

А. Леонтьев (Поправкин)

ИСТОРИЯ
ПИЛОТА
ИСТРЕБИТЕЛЯ

РАССКАЗЫ О ВОЙНЕ

16+

Leontyev

Алексей Леонтьев(Поправкин)

**История пилота истребителя.
Рассказы о войне**

«Автор»

2020

Леонтьев(Поправкин) А. А.

История пилота истребителя. Рассказы о войне /

А. А. Леонтьев(Поправкин) — «Автор», 2020

Дмитрий в борьбе под Москвой, Сталинградом, Ростовом, Ленинградом и
девушка Рая.

© Леонтьев(Поправкин) А. А., 2020

© Автор, 2020

Алексей Леонтьев(Поправкин)

История пилота истребителя.

Рассказы о войне

ПЕРВЫЙ БОЙ

Рисунок автора.

После Смоленского сражения фашисты возобновили наступление на Москву. Ставка сосредоточила основные силы Западного фронта на оборонительных рубежах в районе Вязьмы. На защиту столицы были брошены все силы, вся новейшая техника. ВВС и ПВО Москвы получили новейшие истребители, такие как МИГ-3, ЛаГГ-3 и Як-1. Прилагалось максимум усилий, чтобы не допустить бомбардировку города (ПВО столицы было лучше, чем, к примеру, Лондона).

Именно 4 октября 1941 года состоялся первый бой младшего лейтенанта Дмитрия Иванова. Дмитрию уже стукнуло двадцать два, он летал целых три года и уже считался летчиком. Нужно было патрулировать в районе Карманово и не допустить бомбардировки мостов.

Местность там была лесистая, и много маленьких речушек пересекали тот район. Мосты и переправы работали с перенапряжением, пропуская тысячи солдат и оставшейся техники на восток, к сердцу нашей страны, к Москве. Получив боевую задачу, Дмитрий надел парашют и при помощи техника забрался в кабину. Нельзя сказать, чтобы он волновался, но это первый боевой вылет со всеми его обычными страхами. Он был ведомым, как и Серега. И их главной задачей было удержаться за ведущим. А как поведет себя он сам? А как поведет себя новый истребитель ЛаГГ-3? Да и какой он по сравнению с хваленым «Мессершмиттом»?

Выдержит ли он тот самый первый бой, не подведет ли товарищей? Эти мысли копошились в его голове на земле, а в кабине все стало привычным и ясным.

Сигнальная ракета появилась в небе все равно внезапно, и тишину бодрого октябрьского утра нарушил рокот двигателей ЛаГГов. Через двадцать секунд он был в воздухе, и земля убегала назад и вниз. В шлемофонах – треск и фоновый шум. Два звена ЛаГГов, целых шесть истребителей набирали высоту. Видимость была хорошей, и даже расположенная в тридцати километрах по курсу взлета Вязьма была уже хорошо видна с высоты всего 600 метров, но это продолжалось доли секунды, они вставали на курс. Через пять минут полета они уже были в зоне патрулирования. Высота – три тысячи метров, светило солнце, и земля в дымке посто завораживала.

– Ниже по курсу – «мессеры»!

При патрулировании на том курсе оказалось, что солнце осталось позади нас, а противник – впереди по курсу и ниже. Идеальная позиция для атаки!

Звено бросилось в атаку, а немцы, увидев свои первые горящие и падающие самолеты, бросились врассыпную. Дмитрий следовал за ведущим. Тот открыл огонь, и очередной «мессер» задымил, от него отвалилось крыло, и он беспорядочно завертелся, понесся к земле.

Ведущий отвернул вправо и начал выводить из пикирования. Дмитрий опоздал всего на секунду, он не думал на шаг вперед, он проскочил своего ведущего, Самолет начало трясти от превышения скорости, а земля набегала стремительно. Дмитрий убрал газ и, упершись ногами в приборную доску, стал тянуть ручку штурвала на себя. Он смог вырвать самолет лишь метрах в пятидесятии наконец пошел в набор. Спина Дмитрия была мокрой от пота, но самолет был выведен.

Прошло меньше десяти секунд, но ведущего уже не было видно. Спина Дмитрия покрылась потом еще раз. Бросить в бою ведущего...

Его короткие и тягостные мысли прервали две разрастающиеся на глазах черные точки, от которых потянулись трассеры – это «мессы» открыли огонь. Трассы пронеслись рядом, но мимо. Дмитрий шел в лоб:

– Хрен, не сверну.

Он нажал на гашетку, и двадцатимиллиметровая пушка и пулеметы заговорили, изрыгая всю ненависть к фашистской сволочи. Залп продолжался менее секунды, черные кресты пронеслись совсем близко. Дмитрий развернул самолет, пытаясь разглядеть удаляющиеся «мессы», но горизонт был чист.

Пару пуль все же попали в «Мессершмитт-109Е», пилотируемый Гансом Штаубергом, который к своим двадцати пяти годам уже имел двухлетний летный опыт боев в Польше и Англии. Он сбил четыре польских и английских самолета, и поездка в СССР представлялась ему милым приключением.

Мотор водяного охлаждения, какой имел и «Мессершмитт», и Лавочкин с Горбуновым был более уязвим, чем мотор воздушного охлаждения. Дмитрию было достаточно всего лишь одной пули, чтобы пробить систему охлаждения мотора «мессера». Вода через пулевое отверстие начала выливаться, потом вскипело масло, произошел заброс температуры, и двигатель, чихнув, остановился.

Высота была около полутора тысяч метров. Внизу был лес, а чуть впереди, километрах в 10–15 – поле. Хотя это и была временная территория СССР, славные войска вермахта так стремительно продвигались к Москве, что Ганс решил дотянуть до поля. «Мессер» снижался по

пять-семь метров в секунду, скорость поддерживалась, и Ганс уже знал, что дотянет.

А в этот момент баба Дуся шла по этому самому полю, на которое планировал подбитый «мессер» Ганса. Вчера баба Дуся нарубила топором ветки и уложила их наблизлежащее бревно. Рукоятка топора «устала» и сломалась, поэтому на следующее утро она и тащила топорище и веревку для веток, которые должны быть вывезены чуть позже с оказией.

Пели птички, солнце уже хорошо пригревало. «Может, конечно, немцы еще пройдут, но скоро их остановят», – думала тетя Дуся.

Думы ее прервал планирующий самолет, который, коснувшись земли, пропахал целую борозду и остановился.

Тетя Дуся, увидев огромные кресты, бросилась к аэроплану. Когда самолет плюхнулся на землю, Ганс, открыв фонарь кабины, начал вылезать. Он уже почти вылез, когда тетя Дуся в два прыжка оказалась у самолета и ударила его топорищем по голове.

Ганс упал на фонарь, а баба Дуся достала веревку и крепко связала руки немецкому оккупанту. Так баба Дуся привела Ганса в сельсовет, за что приобрела дополнительное уважение односельчан.

Дмитрий тем временем нашел своих, и все без потерь сели на родном аэродроме. Он вылез из самолета и пошел к своему ведущему: получать взбучку, а может и хуже. Но летчики и особысты – люди из разного сплава, поэтому они решили никому не рассказывать, как ведомый оторвался от ведущего, еще и потому, что сбили троих немцев без своих потерь, и для Дмитрия это был первый боевой вылет.

Вдруг телефонный звонок из штаба. Выяснилось, что сбили еще один самолет, и все от него отказывались, мол, не мы его сбили. Допросили Ганса, который обрисовал ситуацию, и выяснилось, что его сбил Дмитрий!

БЕРТА

Нападение фашистов на СССР 22 июня 1941 года прервало мирную жизнь советских граждан, и вся сила удара была сосредоточена на Москве. Как известно, город Ржев был на пути в столицу, и уже 19 июля он подвергся первой бомбардировке, а 14 октября фашистские войска вошли в город. Началось тяжелое, страшное время, о котором очевидцы до сих пор вспоминают с содроганием.

Гитлеровцы установили в городе «новый порядок». Они грабили, вешали непокорных, сжигали целые селенья, угоняли молодежь в рабство, расстреливали.

Так продолжалось семнадцать долгих кровавых месяцев. За время оккупации в городе и районе фашисты уничтожили свыше 50 тысяч человек. Даже после нашей первой исторической победы под Москвой 6 декабря и контрнаступления фашисты, с одурманенными гитлеровской пропагандой мозгами, пытались овладеть ситуацией. Они приволокли из самой Германии «Большую Бертю» в надежде, что она им понадобится для стрельбы по Москве.

На самом деле «Большая Берта» не упоминается нигде. В Первую мировую она была на самом деле – немцы использовали ее при осаде Парижа. Во Второй мировой немцы применяли сверхпушку под названием «Дора». Она была собрана в конце 1941 года. Калибр – 813 миллиметров. Длина ствола – 32 метра. Дальность действия – 40 километров. Ее снаряды пробивали метровую броню либо восьмиметровое бетонное укрепление.

Подо Ржевом такую пушку установили на платформе, построили новую железнодорожную ветку и таскали по ней эту «дуру». Но в конце сентября 1942 года Дмитрий почти год летал в третьем истребительном авиакорпусе на ЛаГГ-3, сбил два фашистских самолета лично и два в группе, был награжден орденами Красной Звезды и Боевого Красного Знамени, совершив шестьдесят боевых вылетов, получил звание старлея, пользовался любовью и уважением летного состава и девушек из летной столовой. Но самое главное – он был жив!

За это время третий авиаполк потерял двадцать своих пилотов. Что творилось на земле, лучше и не говорить. Это была мясорубка.

Туман с морозящим дождем сковал всю землю, аэродром застыл в ожидании. Полетов не было. Было хреново. Тишина нарушалась лишь отдаленной канонадой да бульканьем моторов самолетов авиационного корпуса, которые гоняли механики. Это безделье длилось уже целую неделю. Морально летчики устали, так как нет ничего хуже, чем ждать.

Дмитрий ждал, а в Ленинграде была его мать, а Ленинград был в блокаде.

Наконец после обеда Дмитрия вызвал командир полка. Нужно было с воздуха посмотреть, что творится. Пехота рассказывала о какой-то огромной пушке, снаряды которой оставляли воронки, сопоставимые с теми, которые оставляет бомба весом в одну тонну.

Погода была дрянь, но данные разведки были необходимы. Было решено, что Дмитрий полетит один, для меньшей заметности. На высоте в две тысячи метров он пройдет на запад, пробьет облачность и с тыла, на малой высоте, насколько позволит облачность, начнет летать галсами, чтобы обнаружить по возможности ту пушку.

Дмитрий был подготовлен к полету. Изучен район, но погоды все еще не было. Стоял густой туман. Этот адвективный туман иногда сливался с облачностью, и в этом случае облака просто цеплялись за аэродром, и понятия нижней кромки облачности уже просто не существовало. Моросил дождь, и было тоскливо. Наконец подул ветерок, туман рассеялся, а нижняя кромка приподнялась.

Дмитрий настаивал на вылете. Во-первых, он вылетит, когда погода еще не наладится, и, следовательно, вероятность встречи с немцами в воздухе будет мала. Во-вторых, присутствует элемент внезапности...

Командир полка с доводами согласился, пожелал удачи, и Дмитрий отправился к самолету, который вместе с механиком его уже ждал.

Было прохладно. Поверх гимнастерки Дмитрий надел кожанку, парашют. В кабине было тесно. Заурчал мотор, и кабина стала нагреваться, а вместе с ней и Дмитрий.

Наконец температура воды и масла достигла необходимого уровня, он дал газ, и ЛаГГ, подпрыгивая, начал набирать скорость.

Самолет быстро оторвался и пошел набирать высоту. Почти сразу он вошел в облачность. Ее нижняя граница была менее 80 метров и дальше понижалась.

Все внимание было теперь приковано к «пионеру» – прибору, по которому можно было судить о пространственном положении, секундомеру, указателю скорости, компасу да указателю высоты. Через пять минут, по расчету, он должен был пересечь линию фронта, занять высоту две тысячи метров, затем, еще 120 секунд не меняя курса, приступить к снижению и пробить облачность с вертикальной скоростью не более пяти метров в секунду.

Чистое небо появилось на 1800 метрах. Полет был между слоями. Самолет летел без крена и без изменения курса. Дмитрий похвалил себя. Прошло 350 секунд полета, и через 70 секунд уже можно снижаться, зайдя опять в облачность. Все внимание было приковано к выдерживанию курса.

Мысли Дмитрия были в навигации, и золотое правило летчика-истребителя – крутить головой на 360 градусов – было забыто (шелковые шарфики на шее – это не пижонство, а необходимость для летчика-истребителя). В этот момент резкий толчок, треск, даже грохот прервали наблюдения за приборами. Самолет круто накренился, вошел в облачность, вариометр показал максимальное снижение, голова стукнулась о фонарь кабины. Дмитрий попытался вылезти из кабины, но сила тяжести вдавливала его в кресло. Высотомер откручивал высоту. Она уже была 1100 метров.

У Дмитрия был только один вариант. Ему удалось приостановить вращение, и, отведя ручку от себя, он смог создать отрицательную перегрузку, которая и помогла ему покинуть самолет...

Открытие купола парашюта совпало с выпадением из облачности и ударом горящего истребителя о землю. Дмитрий висел на парашюте, а внизу шел поезд с одним-единственным вагоном, на котором лежала какая-то труба. «Пушка», – пронеслось в голове Дмитрия. Он успел только соединить ноги и уже упал на землю. До линии фронта было километров тридцать, и направление было понятным. Дмитрий отстегнул парашют, забросал его ветками и опавшими листьями и прислушался. Слышалась канонада, да постукивал поезд с огромной пушкой на платформе. Канонада звучала на юго-востоке, а паровоз уходил на север. Тридцать

километров по лесистой местности здоровому парню не показались сложными. Легким бегом Дмитрий выдвинулся на юго-восток.

Ветви иногда хлестали, пару раз он падал, но продолжал бежать. По пути несколько раз попадались небольшие деревни. Их Дмитрий обходил, стараясь не попадаться никому на глаза.

Смеркалось. Очень хотелось пить. Во фляжке воды оставалось на один привал, но надо ехать. Его бег приостановило шоссе. По шоссе, в сторону фронта, лязгая гусеницами, двигалось восемь танков и десять машин с пушками и полевой кухней.

В кузовах машин сидели немецкие солдаты. Они, солдаты армии «Центр», орали песни, кто-то играл на губной гармошке, они еще не понимали, что их везут на убой. Лишь только убедившись, что дорога свободна, Дмитрий, пригнувшись, перебежал ее.

Впереди он встретил шалаш, построенный совсем недавно. В нем Дмитрий и решил переночевать. Он набросал на пол еловых веток и, немного подкрепившись, лег спать.

Он проснулся с первыми лучами солнца, проникавшими сквозь низкую облачность, съел плитку шоколада и запил ее оставшейся водой. Уже было половина десятого. Он побежал. Едва волоча ноги, добрался, наконец, до огромного поля, которое было изрешечено снарядами и минами. Свистели пули и снаряды, вздымая вверх землю со всей требухой, что была там.

Дмитрий понял, что напрямик не пройти, а обходить надо осторожно, чтобы не нарваться на фашистов. Дмитрий устал, пожалуй, больше за последние три часа, чем за все время службы. Местами он полз, местами бежал прежде чем услышал: «Хенде хох!»

Он радостно поднял руки вверх и позволил себя обыскать совсем молодому парню, который никак не ожидал, что, похоже, ему придется обыскивать вовсе не врага. В блиндаже, где сидел командир полка, Дмитрия допросили и, только убедившись в том, что он действительно свой, накормили и на попутке отправили в распоряжение третьего авиаполка.

В родном полку Дмитрий еще раз рассказал об увиденном. Распогодилось. Утром несколько звеньев пикирующих бомбардировщиков оправились на бомбежку.

Стройная, длинная Берта, «Шланке Берта» по-немецки, не изменила хода войны. Уничтожили ее и забыли про нее.

В НЕБЕ СТАЛИНГРАДА. НАЧАЛО НОЯБРЯ 42-ГО

Фото из интернета после 1943 года.

В 1942 году на фронтах наступило затишье. Лучше сказать – стабильность. Попытки РККА начать контрнаступление от юга до севера успеха не имело.

После декабрьского поражения под Москвой миф о непобедимости Германии развеялся, как утренний туман. Однако войска вермахта были еще очень сильны, а Бесноватого еще не до конца поразила «истерическая слепота».

Фашистская Германия делала ставку на Сталинград. После взятия Сталинграда открывались пути к нефтяным месторождениям СССР на Кавказе, а затем и к остальным частям СССР. Ставка Верховного Командования понимала это четко. Происходит концентрация наших и немецких сил на этом направлении.

23 августа 1942 года фашистская авиация, а точнее, 4-й воздушный флот наносит страшный бомбовой удар по Сталинграду. Несколько сотен самолетов за один только

день совершили более двух тысяч вылетов. Фашистские ублюдки превратили город в руины. 43 тысячи мирных жителей были убиты, а более 50 тысяч ранены. Лучшие образцы боевой техники теперь направляются к Сталинграду. Авиация не была исключением.

Первые серийные самолеты ЛаГГ-5 стали сходиться с конвейера в июле 1942 года, и лучшие летчики ВВС посылались на этот новый самолет. Первоначально ЛаГГ-5 имел на вооружении две автоматические Двадцатимиллиметровые пушки ШВАК. Один снаряд такой пушки разбивал

вдребезги самолет противника с дистанции до 150 метров. Пушки размещались в передней части фюзеляжа над двигателем.

Приборное оснащение было очень скудное. На самолете даже не имелось ни одного гироскопического прибора, например, авиагоризонта или гирокомпаса. Если сравнивать ЛаГГ-5 с аналогичными самолетами Германии, Великобритании или США, то может показаться, что технически он значительно уступал им. Однако по своим летным качествам он вполне

соответствовал требованиям времени. Кроме того, его простая конструкция, отсутствие необходимости в сложном техобслуживании и нетребовательность к взлетным полям делали его идеальным для тех условий, в которых приходилось действовать частям советских ВВС.

Эта традиция сильна до сих пор. Некоторые изделия так просты, что вызывают у иностранцев удивление и даже раздражение. На самом деле за нашим природным разгильдяйством кроются блистательные идеи, которые в гарвардах и не снились.

Приказом от 8 сентября 1942 года истребители ЛаГГ-5 были переименованы в Ла-5. С лета 1942 года в Сталинград направлялись лучшие самолеты и лучшие летчики ВВС. Переучивание летного состава продолжалось пятнадцать дней и осуществлялось в городе Горьком на заводе 21.

Технология сборки была не отработана. Все больше работ по сборке осуществляли женщины, и все меньше мужчин оставалось закреплено на заводе. Качество сборки было соответствующим. Аварийность была высокой. То шасси не выпускалось, то мотор грелся, но это было начало.

В числе первых Ла-5 получил 3-й ГИАП. До 6 декабря 1941 года полк имел 155-й номер. В конце августа 1942 года 3-й ГИАП стали перевооружать истребителями Ла-5. Полк находился в резерве Ставки Верховного Главнокомандования, в ноябре его направили под Сталинград.

Дмитрий после своего приключения был отправлен в резерв своего полка и на переучивание на Ла-5. В резерве он получил недельный отпуск. Как можно провести отпуск в городе, где все поставлено на оборону? Отец был на фронте, а мать эвакуирована из Ленинграда в Самарканд.

К середине октября переучивание на Ла-5, как и недельный отпуск у Дмитрия, закончились. Новый истребитель Дмитрию понравился, после того как он налетал на нем первые пят-

надцать часов. Ла-5 был более мощным, маневренным и лучше вооруженным по сравнению с ЛаГГом.

В теории Ла-5 не уступал по скорости основному противнику – истребителю Bf 109F. На практике же все обстояло не так хорошо. Как и на ЛаГГе, мотор Ла-5 плевался маслом, забрызгивая фонарь кабины. Летчики предпочитали летать с открытым фонарем, створку маслорадиатора обычно открывали на максимальный угол, а хвостовую опору шасси в полете не убирали. Как результат – увеличивалась лобовое сопротивление и падала скорость. Реально Ла-5 по скоростным показателям уступал «Фридриху» (Bf 109F).

Резерв закончился. Наступило время двигаться на фронт. Штурман полка решил, что лучше сделать первую посадку в Пензе. Всего чуть больше часа полета над территорией свободной от фашистов. Кроме того, отсутствует вероятность встречи с врагом при перегоночном полете.

В ноябре погода изменчива, низкая облачность и туманы. После дозаправки в Пензе, всего через сорок минут полета, новая посадка в Саратове и далее еще час полета и посадка на одном из аэродромов под Сталинградом, пока планируется в Волжске. Последний перелет – простой над Волгой. В тот район фрицы тоже маловероятно сунутся. В конце маршрута возможны встречи с истребителями противника, но тут все просто. Врага надо бить, а ориентировку не терять – река Волга рядом.

8 ноября в 10 часов 5 минут полк в составе двадцати истребителей и трех транспортных самолетов Ли-2 с техниками и летчиками полка пошли на взлет. Погода была хорошей, и полк без особых проблем приземлился на аэродроме в Волжском.

Целый день 10 ноября полк размещался и изучал район предстоящих полетов. Было уже морозно, лежал снег, и самолеты были выкрашены в белую камуфляжную окраску. Парни балагурили, зачетов не было – хочешь в живых остаться, знай район полетов! Им было радостно, что резерв кончился и предстоит им уже на равных сражаться и бить «гансов». И никто не сомневался, что их дело правое и что враг будет разбит, а победа будет за ними.

В Сталинград уже пришла зима. Чтобы моторы лучше запускались и масло не теряло своей вязкости, весь технический состав добавлял в масло бензин. Говорят, что под Москвой в 41-м немцы данной технологии не знали и очень удивлялись, когда русские умудрялись летать в та-

кую стужу. Вообще, конечно, немцы удивлялись нам, а мы им.

Товарищу Сталину было совершенно не понятно, как Гитлер мог сунуться против СССР, имея в 3,4 раза меньше танков, и в 2,2 раза меньше самолетов. Чехословацкие события 38 года могли показать, что СССР может поставить «под ружье» еще 5 млн человек в течение года. Цены на овчину не поднялись, а на мясо овец не понизились. «Гитлер, что глупый совсем? Но Гитлер рассчитывал на свой Блицкриг. Он еще на что-то надеялся», – думал Сталин.

11 ноября было морозно. Пяти-шестибалльная облачность не ухудшала условий. На Ла-5 подвесили пару пятидесятикилограммовых фугасных бомб. Имелись сведения, что к Сталинграду двигалась моторизованная колонна. И эту колонну надо было найти и уничтожить.

Назревало окружение 6-й армии вместе с ее оставшимися союзниками, и можно было говорить о стабилизации на этом участке фронта.

Летали уже парами, и десять Ла-5 взяли курс на Сталинград. Дмитрий шел уже ушим, а хвост ему прикрывал Серега. Они начинали еще в 155-м полку, и боевой опыт у них был примерно одинаковым. Серега сбил одного немца, а Дмитрий вогнал в гроб уже двоих. Сам Дима полагал, что ему просто больше везло. Хотя остаться в живых после шестидесяти боевых вылетов – уже везенье!

Десятая минута полета проходила спокойно, как в небе показались четыре точки. «Мессеры»! Командир группы отдал команду на перехват шести первым, и оставшиеся две пары продолжали полет с бомбами к автоколонне.

Побросав бомбы в бескрайние волжские степи, три пары истребителей, подобно сторожевым псам, бросились на «мессеры». Среди них были и Дмитрий с Сергеем.

В этот момент Дмитрий увидел еще четыре точки. Дима и Серега по команде Дмитрия, пошли на перехват. Этими четырьмя точками оказались бомбардировщики «Хейнкели-111». Они имели небольшую скорость, около 300-400 км/ч, и достаточно мощное вооружение защиты.

Они шли бомбить Волжск. «Хейнкели» летели выше на тысячу метров, и было уже видно, что жерла их орудий направлены на Диму и Серегу и отслеживают их.

Правым разворотом с максимальным набором высоты пара пошла на ближние. Моторы ревели на полную мощь. Дмитрий принял решение атаковать снизу и сбоку.

Времени уже не было. Точнее, его было слишком мало. Надо было уничтожить хотя бы лидера, чтобы разрушить строй.

Когда до лидера оставалось метров двести, Дмитрий нажал на гашетку. Двдцатимиллиметровые снаряды пушки полетели в цель. Сначала стабилизатор отвалился, а потом левая мотогондола очень сильно задымила, бомбардировщик неуклюже накренился на левый борт, и со всевозрастающим

левым креном, кувыркаясь, полетел к праотцам.

Но Дима этого уже не видел. Он дернул (дергают девки за косички, а в авиации интенсивно, но не резко переключают штурвал или ручку в набор, то есть к себе)

ручку на себя. Они с Сергеем были выше «Хейнкелей» на 150-200 метров. Ниже шло три «Хейнкеля», и четвертый все еще падал, оставляя черный шлейф.

– Я атакую левого, а ты – правого, – скомандовал по рации Дима.

– Понял, – ответил Серега.

Дмитрий переложил истребитель на левый борт и устремился в атаку. Скорость росла. «Хейнкель» стремительно увеличивался в размерах. От него потянулись трассеры. Несколько пуль попали в мотор с характерным звенящим звуком, а несколько попали в крыло, ближе к центроплану. Дмитрий нажал на гашетку. Снаряды полетели в цель. Враг перестал стрелять, наверное, уже было некому ответить. Левый мотор пылал, отлетел правый элерон, и «Хейнкель» устремился к земле.

– Второй! Сука! – пробормотал Дмитрий.

Истребитель был переведен в набор. Было время посмотреть на труды своей деятельности. Ниже три с половиной тысячи метров, на берегу великой русской реки Волги горели обломки первого бомбардировщика, а еще два бомбардировщика, оставляя черные шлейфы, неслись к земле. Последний, четвертый

бомбардировщик, побросав бомбы в волжские степи и дымя моторами, работающими на максимальном режиме, пытался скрыться.

– Врешь, не уйдешь.

Истребители устремились в погоню. Расстояние сокращалось, и Дмитрий открыл огонь. Пушки Дмитрия выплюнули пару-тройку снарядов, которые, вероятно, убили стрелков, и их пулеметы замолчали. Замолчали и пушки Дмитрия.

– Черт, снаряды закончились.

Он повел истребитель вверх и дал команду Сереге атаковать. Серега стрелял даже тогда, когда «Хейнкель», дымя и разваливаясь на лету, уже несся к земле. С группой из четырех бомбардировщиков Дмитрий и Сергей покончили меньше чем за три минуты.

После посадки на крыле самолета Дмитрия было обнаружено четыре пулеметных дырки да разбит один цилиндр мотора. Пришлось менять весь мотор. Моторы АШ-82 были, и к утру 12 ноября истребитель был готов.

Дмитрия и Сергея представили к орденам Красной Звезды. Неплохо поработали и оставшиеся товарищи. Один «мессер» ушел. Три было сбито. Мы потеряли два самолета, один пилот

был ранен, но довел свой самолет до аэродрома. Самолет был весь в пробоинах и его списали. Другой прыгнул с парашютом

и сам вернулся на свой аэродром. Автоколонну нашли, и все бомбы попали по назначению. Не всем немцам суждено было добраться до Сталинграда. Может, им повезло? Война продолжалась.

УРАН.

Плакат 1941 года взят из интернета.

Гитлер слепо верил в победу и понимал, что Сталинград – ключ ко всей стратегии в войне с СССР. «Бесноватый», не желая считаться с очевидным провалом своих планов захвата Сталинграда, все еще требовал от войск продолжать наступление «с нарастающей силой». В соответствии с этим 11–12 ноября немецкое командование предприняло еще одно крупное наступление на позиции советской армии, бросив против нее пять пехотных и две танковые дивизии, усиленные отдельными саперно-штурмовыми батальонами, специально для этого переброшенными в Сталинград самолетами. К концу 11 ноября немецким войскам удалось захватить южную часть завода «Баррикады» и на участке шириной 500 метров прорваться к Волге, но изменить общую обстановку противник уже не мог. Дивизии вермахта понесли огромные потери, и многие из них фактически перестали существовать.

Вот тут-то продвижение немецких войск в Сталинграде было остановлено. Как наши шутили, немцы даже расположились на тех же позициях и в тех же окопах, что мы в свое время для себя и готовили. В одном месте всего в 500 метрах от Волги – курорт, если б не война.

Немцы увязали в Сталинграде. У Ставки возникла мысль окружить и уничтожить немецкую группировку, всю 6-ю полевую армию вместе с 4-й танковой армией противника. Силами Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов советское командование решило нанести главный удар по войскам группы армий «Б» в районе Сталинграда. Этот удар и должен был привести к окружению и последующему разгрому армии Паулюса. Операция получила название «Уран».

Советское командование понимало, что в случае разгадывания планов немцы смогут перебросить часть группы армии «Центр» к Сталинграду. Именно для этого происходит концентрация войск подо Ржевом. Как и в Сталинграде, где сконцентрировано более миллиона солдат и лишь на 1/3 меньше танков, орудий и минометов и самолетов, чем под Сталинградом. Ржевско-Сычевская наступательная операция войск Калининского и Западного фронтов получила название еще одной планеты – «Марс».

Официальная историография до сих пор говорит о ее вспомогательной роли: она должна была сковать основные силы группы армий «Центр» и не дать возможности командованию вермахта перебросить отсюда силы под Сталинград. Но факт остается фактом: армия группы «Центр» была скована подо Ржевом! Интересно и то, что 6-я армия Паулюса должна была попасть в котел, а подо Ржевом должна попасть 9-я армия Моделя. «Уран» и «Марс» – операции-близнецы!

19 ноября 1942 года началось с контрнаступления советских войск под Сталинградом. Это был второй период Великой Отечественной войны. Советская Авиация под Сталинградом состояла из 1414 самолетов, из которых имела более 900 исправных (65%).

Погода 19 ноября была дрянной. Низкая облачность со снегом и плохой видимостью. Моторы гоняли, фронт гремел, и чувствовалось наступление, но эта чертова безысходность, когда ты рвешься в бой, а погода не пускает!

Такая же погода была и на следующий день. Настроение было мрачным, так как удавка для фрицев сжималась, а они сидят и не принимают никакого участия. Правда, Совинформбюро и командование сообщало, что для нас все идет по плану. 21 ноября, ближе к обеду, сквозь низкую восьмibalльную облачность стали проглядывать солнечные лучи. Дмитрию с Сергеем поручили контролировать воздушное пространство в полосе ста километров от Волги на северо-запад Сталинграда.

Низкая облачность прижимала их к земле, и Дмитрий принял решение перейти в набор. На 1600 метрах они вышли из облачности и летели между слоями. Горизонт был чист, и они нырнули в эту хмарь снова, чтобы определить свое местоположение.

Чуть дальше мелькнул силуэт транспортника, наиболее вероятно, транспортника Ю-52, и исчез в облачности. Они уже контролировали вверенный им район минут двадцать, бензина было чуть меньше полбака, и Дмитрий принял решение возвращаться. Снизившись почти до пятидесяти метров, он взял курс на восток, и уже через пятнадцать минут Волга-Матушка открылась им.

Волга была уже схвачена льдом и покрыта тонким слоем снега, но еще легко выделялась на фоне заснеженных волжских степей. Без труда они нашли свой аэродром и уже через пять минут глушили моторы.

Дмитрий и Сергей шли в летную столовую. Пообедали. Начинало вечереть. Операция «Уран» развивалась по плану.

На следующий день, 22 ноября, светило солнце. Первая пара Ла-5 уже возвращалась с патрулирования. Ла-5 Дмитрия и Сергея и еще пара истребителей, слегка подпрыгивая на грунтовой заснеженной полосе аэродрома города Волжска, пошли на взлет. Вскоре открылась серая панорама разрушенного Сталинграда. Иногда среди этого разрушенного хлама каменных кирпичных стен появлялись вспышки и дым. Город жил. Стрелял и выживал!

Дмитрий и Сергей летели на 2500 метров, а два других истребителя на 3000 чуть сзади. После пересечения левого берега Волги Дмитрий и Сергей продолжали лететь на северо-запад, а другая пара – на северо-восток. Через пять минут – левый разворот и курс на Сталинград, а там по обстоятельствам.

На третьей минуте Дмитрий увидел около двадцати точек, которые летели чуть ниже в направлении Сталинграда.

– Всем, всем! Наблюдаю цели. Иду на сближение.

Истребитель, ревя мо тором, со скоростью 580 километров в час устремился к цели. Целью оказались двадцать «Юнкерсов-87» («штуки»), пикирующих бомбарди-

ровщиков вермахта, этих символов Второй мировой. Эти символы летели в сопровождении четырех «Мессершмиттов Bf 109F». Сопровождающие истребители были на 3000 метрах и кружили над «штуками».

Дмитрий принял решение. Он поравняется с пикирующими бомбардировщиками. Левым разворотом он будет пикировать и атаковать будет снизу. Идея была простой: «мессеры» сопровождения были сверху, и для кормовых стрелков «штук» открывалась замечательная перспектива: прихлопнуть этих двух назойливых русских, летящих на новых «ратах». Шансов уцелеть почти не было.

Что и было сделано. Левый разворот, малый газ. Истребитель несся к земле. Едва лишь миновав высоту полета бомбардировщиков, Дмитрий потянул ручку на себя, одновременно увеличивая обороты. Перегрузка вдавила его в сиденье, а рядом падали обломки «штуки», сбитой Серегой, Дмитрий обернулся. Истребитель Сереги был сзади. Это Серега его сбил на встречном курсе!

Серо-голубое брюхо бомбардировщика с черными крестами, казалось, закрыло все. Дмитрий нажал гашетку. Две двадцатимиллиметровые пушки знали свое дело. С такой малой дистанции снаряды просто разнесли бомбардировщик в клочья. Обдав истребитель пламенем, горящие обломки разлетались во все стороны.

Серега был сзади. Он завалил еще один бомбардировщик, расстреляв его в упор снизу, следуя за Дмитрием. Менее чем за тридцать секунд три бомбардировщика, точнее, их куски, летели к земле.

Истребители почти вертикально набирали высоту. «Мессеры» открыли огонь. В тот момент, когда истребитель Дмитрия уже почти потерял скорость, и он перекладывал его на левый

борт, чтобы перевести истребитель в пикирование, Сергей своим истребителем закрыл Димин от пуль и снарядов «мессеров».

Теперь уже Лавочкин Сергея разлетелся кусками и, дымя, устремился к земле. Высота была около 2000 метров... Дмитрий пикировал. На хвосте повисло четыре «мессера». Они были достаточно далеко, чтобы открыть огонь, и не приближались.

Выше по курсу приближалась пара Ла-5, с которыми пошли на задание. Расклад – три наших истребителя и четыре немецких. Солнце было слева. Дмитрий переловил истребитель на петлю и в самой верхней точке сделал полубочку.

В этот момент наши две пары Як-7, патрулирующие рядом, набросились на оставшиеся «юнкеры». Они разрушили их строй, и «юнкеры» побросали бомбы куда попало. Еще два «юнкера» упали на землю, и один, дымя, уходил на запад.

Перед Дмитрием тянулись трассеры. Они шли в лоб. Когда до ближайшего «мессершмитта» оставались доли секунды полета, Дмитрий нажал на гашетку. «Мессершмитт» превратился в огненный шар. Истребитель Дмитрия проскочил его, и именно в этот момент, когда он немного расслабился, немец открыл огонь. Пули и снаряды попали в крыло. Они повредили левый борт и левую руку Дмитрия.

Истребитель слушался управления, хотя и стремился перевернуться влево. Левая рука Дмитрия была в крови, но слушалась. Он вынужден был выйти из боя. «Яки» набросились на «мессеров», и оставшиеся «мессеры», которых было уже три, уходили на запад.

До аэродрома Дмитрий дотянул и сел, не выпуская шасси, на брюхо. Дальше – рутина. Санбат, руку лечить.

Через два дня Серега объявился. Он опустился на парашюте. Его накормили и в газете написали о том, как товарища собой закрыл. Наградили Сергея Орденом Ленина за героический поступок.

Дмитрий становится асом, сбив пятый и шестой самолеты. Его наградили Орденом Боевого Красного Знамени. В том бою немцы потеряли пять «юнкеров» и два «мессера». Мы потеряли три самолета и одного летчика.

СТАЛИНГРАД. ДЕРЖИТЕСЬ!

ФЮРЕР ВЫРУЧИТ ВАС!

Итак, 21 ноября Дмитрий до аэродрома дотянул и сел, не выпуская шасси, на брюхо. Рука была в крови. Кровь шла интенсивно и капала на пол кабины. Дмитрий сам

до санчасти бы дошел, но механик боялся, что он не дойдет, потому что крови было много. Дмитрий сказал, что дотянет, но его все равно погрузили на полуприцеп и повезли на другой конец аэродрома в санчасть.

В санчасти фельдшер оторвал рукав гимнастерки и осмотрел руку. Рука была в крови, но, по счастью, вражья фашистская пуля кость не задела. Можно сказать, только поцарапала. Медсестричка, девушка лет девятнадцати-двадцати, рану промыла и, старательно ее обработав йодом, засыпала стрептоцидом и потом наложила асептическую повязку, так что Дмитрию стало приятно, потому что рана не горела, а было даже свежо.

Но приготовленный фельдшером спирт Дмитрий пить не стал. Когда он сбил в первом бою своего первого, то в столовой принесли его первые сто грамм. А коман-

дир звена тогда сказал, что если в живых хочешь остаться, то чтобы не пил. Реакция улучшается лишь на первые пять минут, а потом она сильно падает. То ли дело в том,

что он не пил, то ли везло, но он успел сделать уже восемьдесят боевых вылетов, а его ранило в первый раз!

Дмитрию хотелось спать, и было приятно, что Раечка, так звали ту молоденькую медсестру, перебинтовывала ему руку, и после того страшного напряжения только одна мысль была в голове: он остался в живых да и сбил двоих. Мысли о Серге иногда вспыхивали в уставшем сознании, но гасли от усталости и убежденности, что все

с ним хорошо. С этими мыслями он и уснул.

Проснулся от холода. Было прохладно, Раечка хлопотала у печки, разогревая ужин, пропущенный Дмитрием. Рука немного болела, но было уютно и спокойно.

Еще через день, стало известно, что Серега воспользовался парашютом и к вечеру был в полку. Серега был небритым и немного осунувшимся, но живым.

Встреча друзей была радостной. Дмитрий только и сказал, что никогда не забудет того подвига – Серега даже расчувствовался. Посидели, поболтали. Сергею дали неделю отпуска. Но Серега в отпуске отсиживаться не хотел.

Какой нормальный человек будет отдыхать, когда окружают немецкую гадину и у Серги были с ней свои счеты? Но еще два дня все же пришлось отдыхать.

Летчиков не хватало, поэтому Сергею уже дали летать на четвертый день после возвращения. А отпуск?

– Потом, догуляю, – говорил Сергей.

Нашли почти новый самолет, командир эскадрильи назначил Сергея ведущим, и уже с 27 ноября он полетел на задание. 27 ноября кольцо вокруг 6-й армии замкнулось.

*«Сталинградская Мадонна»**

* Рисунок немецкого военного врача Курта Ройбера, выполненный углём на оборотной стороне советской географической карты в ночь с 24 на 25 декабря 1942 года в окружении под Сталинградом во время завершающего этапа Сталинградской битвы. Хранится в Мемориальной церкви кайзера Вильгельма.

Операция «Уран» завершилась – Дмитрий продолжал лечиться, а удавка на шее 6-й немецкой армии продолжала сжиматься. Раечка окончила школу и решила стать врачом, как и мама. Начавшаяся война все перевернула. Отучившись год в Сталинградском медицинском институте, она в июле 42 года устроилась медсестрой в госпиталь, где работала и ее мама. Отца призвали еще год назад в пехоту. Поскольку он работал на Сталинградском тракторном, то посчитали, что механиком-водителем танка ему подойдет быть больше. Но последние два месяца, известий от отца не было. Раненых было много, и они всё поступали и поступали. Раечка сутками находилась в госпитале. С мамой они мельком виделись, на ходу перебрасываясь несколькими словами. Это продолжалось до 23 августа.

23 августа с аэродрома Тацинский, что около 250 километров к западу от Сталинграда, 4-й германский флот приступил к бомбежке Сталинграда. Самолеты сбрасывали свой смертоносный груз и возвращались, чтобы взять бомб еще и снова убивать. 71 тысячу мирных жителей унесли те бомбардировки, а 150 тысяч людей получили ранения. Это было больше, чем в 1945 году в Дрездене, это был абсолютный рекорд убийства мирного населения за всю войну!

Именно 23 августа превратили Сталинград в руины и именно 23 августа убили маму Раечки. 24 августа госпиталь эвакуировали на восток, а Раечка упросила оставить ее в Волжске, в помощь фельдшеру аэродромной санчасти. Волжск – небольшой городок на восточном берегу Волги, менее чем в 50 километрах от Сталинграда. И вот Рая уже почти три месяца работала в санчасти аэродрома Волжский. Работы было немного. Летчики, молодые и здоровые парни, не тратили время на всякие там болезни. Они летали, били фрицев и иногда не возвращались.

Дмитрий был один из первых легкораненых и все время рвался на фронт. Он был хорошим пациентом. Съедал все прописанные ему пилюли и охотно позволял Раечке перебинтовыв-

вать ему руку. Рана на руке затягивалась быстрее, чем затягивалась удавка на горле 6-й армии вермахта. 6-я армия вермахта уже находилась в котле, а рана все еще не заросла. Единственной возможностью поддерживать окруженных был воздушный мост.

Паулюс предлагал отступить, но каждый новый день давал Гитлеру время для выведения на линию обороны двух армий на Кавказе. Гитлер мог с полным правом говорить, что его приказ Паулюсу не сдавать своих позиций был абсолютно верным.

Дальний брат аса первой Мировой, Красного Барона, генерал Рихтгофен, неоднократно предупреждал, что внутри «котла» люфтваффе понадобится как минимум шесть аэродромов и должным образом подготовленный наземный персонал. Его опасения по поводу нехватки взлетно-посадочных полос очень скоро подтвердились. Рихтгофен с самого начала понял, что им придется заниматься заведомо гиблым делом. Они уже не надеялись встретить понимание наверху. Но «бесноватый» приказал держаться до последнего. Пока войска вермахта держались до последнего, рука Дмитрия заживала, и от полного морального расстройства его удерживала только Рая, которая делала все возможное, чтобы руке стала лучше, и, следовательно, поражение фашистской Германии наступило быстрее.

Между Раяй и Дмитрием возникло то, что обычно возникает между двумя молодыми и привлекательными представителями разных полов, связанных общим делом.

Дмитрий был шатеном, имел рост под 175 сантиметров, широкие плечи, ястребиный нос, острое зрение, атлетическую фигуру и вес около 80 килограммов. Рая же была среднего роста, с большим лбом, на который ниспадали русые волосы, с огромными голубыми глазами, которые подчеркивали невыщипанные тонкие брови, маленьким носиком, чувственными губами и точеной фигурой, которую даже не могла скрыть военная униформа.

В общем, между молодыми людьми завязался роман. Дмитрий был не на шутку влюблен. Это была любовь с первого взгляда. В тот момент, когда Рая накладывала асептическую повязку на рану, и руке стало прохладно, в сердце Дмитрия произошли серьезные изменения, оно стало интенсивно биться, а реакция на нее сравнялась с реакцией на вражеский самолет. Нарушился сон и покой. При этом Дмитрий рвался на фронт. Молодая красивая девушка почувствовала в Дмитрие свою надежную опору при потере мамы и неизвестности об отце. В такой ситуации молодой и красивый Сталинский Сокол разрывал ей душу!

Они были вместе, но между ними не было ничего плотского. Дмитрий собирался воевать и сомневался, что ему так и будет везти. Мало кто выживал в той мясорубке, а оставлять Раю с ребенком не входило в его планы.

К Дмитрию пришел Серега. Это произошло в первой декаде декабря. Сергей пришел навестить Дмитрия и похвастаться, что его уже наградили Орденом Ленина, он стал членом ВКПБ и сбил еще двоих. Это были истребитель «Мессершмитт-109» и транспортный «Юнкерс-52».

С «мессером» пришлось повозиться, а «юнкерс» загорелся и горел очень хорошо!

Дмитрий слушал, затаив дыхание и еще больше хотел на фронт. В тот момент, когда 6-я армия вермахта была в «кольце», транспортники Ю-52 с «Хейнкелями-111» снабжали окруженную армию по воздуху. Это было очень обидно. Дмитрию казалось, что если бы он был на фронте, то уничтожение «котла» происходило бы быстрее. Он даже поругался с Раечкой, которая повторила слова фельдшера о том, что он еще нездоров.

Третья неделя с Раечкой на аэродроме, но без полетов становилась все более тягостно. 19 декабря был самым удачным днем для люфтваффе. Около ста пятидесяти самолетов, доставивших триста тонн грузов, приземлились в «Питомнике». Однако подобные дни были крайне редки. Потом с каждым днем перевозка грузов становилась проблематичнее. Суровые погодные условия оказались не единственной проблемой. Аэродром в «Питомнике» вскоре стал объектом пристального внимания русской Авиации. Часто обломки сбитых самолетов, рухнувшие на взлетно-посадочную полосу, становились

причиной аварий, что приостанавливало работу аэродрома на длительный срок. Обгоревшие останки боевых машин растаскивали по обе стороны от взлетных полос, и вскоре аэродром превратился в настоящее кладбище авиационной техники. Двойную угрозу таило в себе ночное приземление. Хотя, по сравнению с налетами советской Авиации, эту опасность даже опасно-стью-то назвать было нельзя. Немецкие зенитные батареи в «Питомнике», конечно, не могли обеспечить аэродрому должную

защиту. Ведь только для обнаружения ночных бомбардировщиков противовоздушной обороне требовались мощные прожектора, которые тут же засекались русской артиллерией, как писал один немецкий очевидец.

Немецко-фашистские войска несли огромный урон в живой силе, теряя ежедневно не менее 1500 солдат в результате активных действий советских войск, советской Авиации, а также от голода, мороза и болезней.

Паулюс и его 6-я армия ждала Манштейна, который обязательно пробьется. Как непосредственный командир генерала Паулюса, Манштейн так и не отдал прямого приказа на выход из окружения 6-й армии. Между тем 6-я армия сковывала под Сталинградом большие силы Красной армии, и если бы эти силы были высвобождены, то крах южного крыла был бы вопросом времени. Всю вину за гибель 6-й армии фельдмаршал Манштейн возложил на Гитлера и на нерешительного Паулюса, который так и не взял на себя риск прорываться из котла и оставлять Сталинграда без приказа своего командира – Манштейна. Сам Манштейн считал, что польза от прорыва будет минимальной, так как 6-я армия потеряет свою боеспособность и всю технику.

Итак, основную помощь, которую можно было ожидать, была помощь по воздуху – воздушный мост по которому немцы переправляли окруженным боеприпасы, продовольствие, медикаменты. Одним из крупнейших аэродромов, по которому немецкие фашисты пытались подвозить запасы 6-й армии, был аэродром в Тацинской

(примерно 250 километров на запад от Сталинграда, железнодорожная станция Тацинская).

16 декабря началось наступление Советских войск в районе среднего течения Дона. Участок фронта, который обороняли итальянцы, был смят. Четыре наших танко-

вых корпуса устремились в эту брешь. Среди них 24-й, который имел особую задачу – не вступать в бой, а незаметно углубиться в тыл противника. Причем заранее были покрашены звезды на танках и нарисованы кресты.

Вместе с танками пошли роты саперов, «Катюш» и складов ГСМ. Наши танкисты даже несли потери от своих. (Кстати, «Катюши» были советским секретным оружием, и ни одна установка не попала к врагу).

Среди танкистов был и отец Раи, Петр, сержант, механик-водитель Т-34. И вот 24 декабря в 7 часов 30 минут по залпу «Катюш» части корпуса пошли в атаку на Тацинский аэродром. Петр уже знал, что жена его погибла при бомбежке 23 августа и хотел мстить. Танк, как спичечные коробки, мят вагоны с находящимися в них и людей около еще несобранных самолетов. Иногда перед ним возникал убегающий фашист, но тут же падал, скошенный очередью под траки. Он давил их и не испытывал угрызений совести. Казалось, пушка стала раскаленной от выстрелов, а танк в крови убитых фашистов.

Танки на бешеной скорости влетели на аэродром. Они таранными ударами опрокидывали самолеты, отрубали их хвостовое оперение. Потом подожгли склады с ГСМ, и аэродром превратился в огромный костер.

«Это было возмездие за Сталинград, который гитлеровские летчики в течение нескольких месяцев подвергали жесточайшим бомбардировкам, взлетая именно с этого аэродрома», – вспоминала участница тех событий, санинструктор О. Брызгалова.

Среди фашистов на аэродроме началась паника. Они метались по аэродрому. Летчики и техники пытались прорваться к своим самолетам, но попадали под огонь наших автоматчи-

ков и танкистов. Некоторым все же удалось запустить моторы, и они начинали выруливать на взлет. Вот тут-то их и ждала смерть. Самолеты сталкивались с друг другом и начинали пылать подобно факелам.

Вдруг немного в стороне от полосы отдельно от других побежал очередной «юнкерс». До него было метров двести. Огонь! Но снаряды закончились, и Петр направил свой танк наперерез разбегающемуся «юнкерсу».

Вспышка, взрыв. Он протаранил его... В тот день всего несколькими самолетами удалось покинуть этот ад. «К 17 часам были подавлены последние очаги сопротивления немцев. В результате боя было уничтожено 3500 офицеров и солдат противника, в том числе весь летный и обслуживающий персонал аэродрома, 50 орудий и 15 танков. Танковым корпусом была выполнена главная задача: был нанесен невосполнимый урон немецкой авиации – было уничтожено свыше 350 боевых самолетов, которых так и не дождались окруженные войска».

Разные источники, разные цифры. Корпус В. Д. Баданова насчитывал 58 танков (39 Т-34 и 19 Т-70). На аэродром прорвались, и 26 декабря военные были окружены. Непосредственно на аэродроме было уничтожено 44 самолета (конечно, сомнительно, что 350 самолета. Наиболее вероятна цифра в 44). Корпус Б. Д. Баданова был окружен. 27 декабря остатки корпуса в 3 часа ночи прорвали оборону и вышли из кольца. Всего 927 человек.

К 30 декабря корпус из окружения вырвался, дозаправив танки смесью захваченного на аэродроме авиационного бензина с моторным маслом. После этого

линия фронта временно стабилизировалась, так как ни советские, ни немецкие войска не имели достаточно сил, чтобы прорвать тактическую зону обороны противника.

После уничтожения аэродрома в Тацинской положение 6-й армии еще более ухудшилось. Основным аэродромом становится «Питомник».

«Ежедневная порция хлеба составляла 100 граммов. В солдатском рационе конина стала роскошью, немцы охотились за собаками, кошками, воронами. В довершение всего вражеские войска, так и не получившие зимнего обмундирования, жестоко страдали от суровых морозов (в январе морозы доходили до двадцати пяти–тридцати градусов)», – из воспоминаний фашиста.

«До Рождества 1942 года войскам выдавалось по 100 граммов хлеба в день на человека, а после Рождества этот паек был сокращен до 50 граммов. Позднее по 50 граммов хлеба получали лишь те части, которые непосредственно вели боевые действия; в штабах, начиная от полка и выше, хлеба совсем не выдавали. Остальные питались только жидким супом, который старались сделать более крепким, вываривая лошадиные кости», — вспоминает другой фашист.

Наконец, к 1 января рука Дмитрия стала совсем здоровой. Она даже не чесалась, и фельдшер признал, что он здоров. Дмитрий поблагодарил, нежно простился с Раечкой, пообещав, что будет с ней всегда, и, весело насвистывая, отправился к командиру полка на противоположную сторону аэродрома.

Дмитрий радостно шел мимо стоянок, на которых стояли Ла-5-е, а чуть дальше – Як-9-е. Механики роились тут же, хлопоча над техникой. У них были красные и отмороженные щеки. Но они работали при морозе в двадцать пять градусов. Они работали для победы!

«Красивые машины», – подумал Дмитрий. Летчикам нравился Як-9, как и Ла-5. Между летчиками обоих типов постоянно велись споры. Провести сравнительный бой в полках не представлялось возможным, но было ясно, что боекомплект у Лавочкина был больше, а, стало быть, фашистов можно было сбить за вылет больше!

Комэска встретил Дмитрия радостно. Летчиков, как всегда, не хватало. Окружение немцев закончилось, летали транспортные самолеты. Германское руководство пыталось обеспечить окруженных питанием и боеприпасами. Однако уже имелись случаи сдачи немцев в плен.

– Ну, здорово, орел! – радостно встретил Дмитрия комэска.

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Садись, слушай. Пока ты руку лечил, мы закончили окружение немцев, операцию, как знаешь, «Уран». В целом, конечно, задачу выполнили. Однако немцы были сильны, и командованию пришла мысль провести операцию «Малый Сатурн», которая бы дополняла «Уран». Итальянская армия была разбита. Рывок к Ростову уже не планировался, сил уже не было. Немцы пытались свою операцию провести. Им даже удалось отсечь целый танковый корпус, который нанес страшный удар по аэродрому в Тацинской. Но к 30 декабря корпус из окружения вырвался, только сейчас передали. Живем! В общем, танкисты постарались. Самолетов 100 уничтожили, говорят!

– Что же нам-то теперь сбивать, товарищ капитан?

– Не бойся. Хватит. Они теперь своим жратву на самолетах возят! На диету немцев посадим. Завтра полетишь. Иди, познакомься с новым ведомым. Будет теперь у тебя лейтенант Александр Васин. Старательный и исполнительный. Он уже двоих завалил, молодец. Вот с ним летать и будешь. А Сергея старлеем делаем. Он в партию

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.